

Философия – это интересно!

Философия – это интересно!

Серия

Владимир ВАРАВА

Адвокат философии

УДК 1/14
ББК 87.3
В18

Серия «Философия — это интересно!» основана в 2009 году

Дизайн — Александр Архутик

Варава В. В.

В18 Адвокат философии. — М.: Этерна, 2014. — 352 с. — (Философия — это интересно!).

ISBN 978-5-480-00336-9

Считается, что культура вступает в новую фазу своего бытия, сопровождающуюся отмиранием прежних институтов, принципов и ценностей, среди которых философия с ее притязаниями на истину выглядит как наиболее зловещее образование, явно враждебное установкам медийной культуры. А установка здесь одна — удержать человека в коконе бессмысленного существования как нормы, так и не дав родиться ничему существенному. Многообразие возможностей такой культуры оборачивается на деле пустотой, поскольку философия, как главная инстанция смыслообразования, оказывается не работающей. Стенать по этому поводу бесполезно, но говорить об этом надо.

Власть медиа настолько сильна, что создает угрозу превратить жизнь в бессмыслицу. В этой ситуации вся надежда только на философию, которая очевидно нуждается в защите. В защите от непонимания, которое рождает скуку и пренебрежение. В защите от тех, кто профанирует философию. Но и в защите для тех, кто ищет философии и только философии. Цинизм культуры не должен пугать истинных рыцарей философии.

УДК 1/14
ББК 87.3

ISBN 978-5-480-00336-9

© В. В. Варава, 2014
© 000 «Издательство «Этерна»,
оформление, 2014

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	13
ВОПРОСЫ О ФИЛОСОФИИ	17
1 • Существует ли основной вопрос философии?	19
2 • Как философия связана с жизнью?	21
3 • Можно ли дать ответ на философский вопрос?	23
4 • Как философия бытийствует?	24
5 • В чем двуликость философии?	27
6 • С чего началась философия?	28
7 • Почему несостоятельно выражение «философия — любовь к мудрости»?	29
8 • Что значит неведомый Бог философов?	30
9 • В какой мере философия зависит от языка?	32
10 • Почему язык есть препятствие для философии, а философия есть борьба с языком?	34
11 • О чем говорит философское вопрошание?	36
12 • Из вопрошающей сущности философии возможно ли понять истину жизни?	38
13 • Что мы делаем, когда философствуем?	39
14 • Связана ли смерть с философией?	40
15 • Существует ли истинное понимание смерти?	42
16 • Может ли философия выступать в роли воспитателя?	44
17 • Может ли философия быть публичным делом?	45
18 • В чем актуальность философии?	47
19 • Что такое школьная философия?	48
20 • Каковы наиболее распространенные заблуждения по отношению к философии?	49

21 •	Вопрошают ли о разном философ и не-философ, когда они вопрошают?	51
22 •	Является философия чем-то особенным или же само особенное являет себя в философии?	52
23 •	Так ли уж сложна на самом деле философия?	53
24 •	Почему же недолюбливают философию?	54
25 •	Где исток современной апатии в философии?	55
26 •	Дала ли что-то религия философии?	57
27 •	Кто такой философ?	58
28 •	Чей удел философия?	59
29 •	Почему философия может претендовать на всеобщую всеобщность?	60
30 •	Понимаем ли мы этот вопрос — о всеобщей судьбе человека?	61
31 •	В чем заключается особенность философской озабоченности судьбой человека?	62
32 •	Почему философское сомнение не есть скепсис?	63
33 •	Можно ли говорить о современной философии?	64
34 •	Что имеет большее отношение к философии: время или бытие?	65
35 •	Можно ли говорить о заблуждениях в философии?	66
36 •	Что такое тайна в философии?	68
37 •	Почему философия не гуманитарная наука?	70
38 •	Что нужно для занятий философией?	71
39 •	Почему философия не является социальным институтом?	72
40 •	Где искать философию?	73
41 •	Кого же считать тогда философом?	74
42 •	Каковы «жизненные» выводы философии?	75
43 •	Насколько правомерно говорить о разных типах философии?	76
44 •	В чем вред философского наукообразия?	78
45 •	Можно ли научиться философии?	80
46 •	В каком смысле нужно понимать философию как духовную гигиену?	81
47 •	Почему философия не является утешением?	82
48 •	Какое преимущество имеет философ?	84
49 •	Как отличить философию от нефилософии?	85
50 •	Нуждается ли философия в защите и оправдании?	86
51 •	Кто вообще определяет, что такое философия и кого считать философом, а кого нет?	87

52 • В чем наиболее сильное искушение для философии?	88
53 • Возможно ли философствовать одним вопрошанием?	89
54 • В чем разница между философией и философствованием?	90
55 • Философия открывает «мир как мир» или «скрытый мир»?	92
56 • Как происходит профанация философии?	94
57 • Насколько серьезны философские вопросы?	96
58 • В чем ценность философии?	97
59 • В чем состоит философская забота?	98
60 • Какой возраст более подходящ для философии?	99
61 • Действительно люди бы не стали философствовать, если бы не было смерти?	100
62 • Кто враг философии?	101
63 • В чем главная опасность философии?	102
64 • В чем главный парадокс философии?	104
65 • Чего же хочет философ?	106
66 • Что такое философское очищение?	108
67 • Может ли быть философия осмыслена философски?	110
68 • Почему самопознание не является истинной целью философии? ...	111
69 • Имеют ли философы привилегию говорить на вечные темы?	113
70 • Из-за чего возникает скепсис по отношению к философии?	114
71 • Как философия говорит на разных языках?	115
72 • Что препятствует философии?	116
73 • Кто такие профессиональные философы?	117
74 • Кто такие философы?	118
75 • Что значит для философии чистота мысли?	119
76 • Что отличает современных философов?	121
77 • Можно ли говорить, что сегодня отсутствует стремление к философскому вопрошанию?	122
78 • Есть ли у философии какая-то духовная и моральная миссия в наше время?	123
79 • Что значит философия как алиби бытия?	124
80 • В чем предельный смысл философии?	125
81 • В чем состоит философское чудо?	126

ВОПРОСЫ ОКОЛО ФИЛОСОФИИ

82 • В чем действительное различие между людьми?	129
83 • Что кроется за вопросом о «начале» и «происхождении»?	131

84 • И все-таки почему возникает вопрос о начале?	132
85 • Почему судьба человека никогда еще не подпадала под вопрос? ...	133
86 • Чем создается неистинный мир?	135
87 • Кем быть и что делать в неистинном мире?	136
88 • Живем ли мы или умираем?	137
89 • Откуда такая воля к жизни?	138
90 • Что такое вера?	139
91 • Кто носитель заурядного мышления?	141
92 • Почему бессмысленно и безнравственно спрашивать и рассуждать о «жизни после смерти»?	143
93 • Почему религия не решает проблему смерти и секса?	145
94 • Имеет ли смысл спрашивать о смысле боли и страдания?	147
95 • Почему так сложна и одновременно так проста жизнь?	149
96 • Почему лицемерие есть сущность «человека социального»? ...	151
97 • Что значит «не знать»?	152
98 • В чем истинное достоинство женщины?	153
99 • Как возможен мир?	154
100 • Виновен ли человек по существу?	155
101 • Есть ли грех?	157
102 • Почему мир не меняется?	159
103 • Действительно ли мир загадочен?	160
104 • Почему политика наименее философична из всех родов человеческой деятельности?	161
105 • Имеет ли ценность для философии знание языков?	162
106 • В чем ценность перевода для философии?	164
107 • Что нас более всего раздражает в другом человеке?	166
108 • Что нас более всего пугает в другом человеке?	167
109 • Что нас больше всего прельщает в другом человеке?	168
110 • Как можно говорить об общих ценностях?	169
111 • Прилично ли говорить о «первобытном обществе»?	170
112 • Почему мир именно таков, каковым является?	171
113 • Почему нет «другой» жизни?	172
114 • Зачем человек спит?	173
115 • Почему человек борется против бессмысленности истории более всего?	174
116 • Что такое «человеческое»?	175
117 • Почему самоубийство — не грех, а эвтаназия — зло?	176

118	• Как ребенок становится человеком?	177
119	• Как человек становится трупом?	179
120	• Кто понимает?	181
121	• Действительно ли добро и зло относительны?	182
122	• Почему дети не должны стремиться быть похожими на родителей ни в чем?	183
123	• Насколько несущественен вопрос о «случайности» и «необходимости»?	185
124	• Может ли презрение к смерти быть основой морали?	187
125	• Насколько бесполезны и вредны религиозные нравоучения и научные знания?	188
126	• Как понять, что ничего нового не происходит?	189
127	• Почему курит женщина?	190
128	• Что делает женщину женщиной?	191
129	• Насколько мифологичны понятия «природа» и «общество»? ...	193
130	• Почему так много людей?	195
131	• Откуда такое неодолимое влечение к искусству?	196
132	• Имеет ли смысл то, что я делаю и думаю?	198
133	• Всеобщи ли мои мысли?	199
134	• Связаны ли смерть и познание?	200
135	• Как работает обыденное мышление?	201
136	• Что такое время?	202
137	• Когда политика становится предельным смыслом?	203
138	• Относительно или абсолютно?	204
139	• Как возникает великая страсть к истине?	205
140	• Почему любовь не может быть однополой?	206
141	• Почему не важно, существует Бог или нет?	207
142	• Что есть настоящее зло?	208
143	• Что значит простота?	209
144	• Почему этика и эстетика — одно и то же?	210
145	• Что такое «стыдно»?	211
146	• Что такое «невозможное»?	212
147	• Прилично ли до сих пор говорить о кризисе культуры?	213
148	• В чем действительное различие между полами?	214
149	• Что такое ожидание?	215
150	• Так все же, в каком мире мы живем?	216
151	• Какова ценность размышлений?	217

152	• Что такое «серьезное отношение к жизни»?	218
153	• Почему люди не любят и никогда не будут любить друг друга, исходя из заповеди любви?	219
154	• В чем смысл сегодняшней устремленности к телу и телесности?	220
155	• Возможно ли истинное равнодушие к Богу?	221
156	• Связана ли тайна с потусторонним и сверхреальным?	222
157	• Почему невозможна художественная литература?	224
158	• Философия и бизнес: есть ли что-то общее?	226
159	• Можно ли жить в обществе и быть свободным от общества?	228
160	• Почему процветают церкви и тюрьмы?	230
161	• Значит ли, что мы живем в истинном мире, если мы живем в объясненном и понятном мире?	232
162	• Смыслы или домыслы?	233
163	• В чем аморальность искусства?	234
164	• Этический универсализм, или Как быть человеком?	235

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ 237

165	• Кому нужно, чтобы существовал мир?	239
166	• Что значит явное отсутствие цели и смысла жизни?	241
167	• Как жить?	242
168	• Как не жить?	243
169	• Зачем жить?	244
170	• Почему бы не умереть?	246
171	• Имеет ли значение, вечна жизнь или конечна?	248
172	• Зачем живут люди?	250
173	• Почему до сих пор существует человечество?	251
174	• Почему бессмыслен и вреден призыв «помнить о смерти»?	252
175	• Что такое бытие?	254
176	• Почему бытие, а не ничто?	256
177	• Естественно или неестественно бытие?	258
178	• Что первичнее: время или бытие?	259
179	• Что такое ужас?	262
180	• В чем же последняя надежда человека?	263
181	• Так, значит, философствовать — это учиться умирать?	264
182	• Можно ли обойтись без религии?	266
183	• Можно ли обойтись без науки?	267
184	• Откуда столько зла?	269

185	• Неужели неистинно все?	270
186	• Почему знание и вера не имеют сущностного отношения к человеку?	271
187	• «Неужели я настоящий и действительно смерть придет»?	272
188	• Чего же боится человек, боясь смерти?	273
189	• Что значит, что дети иные?	275
190	• Что такое философское смирение?	277
191	• Может ли философия помочь человеку в трудные минуты жизни?	279
192	• Почему человек не верит в свою смерть?	281
193	• Что кроется за нашим равнодушием к своему существованию?	282
194	• Что же такое настоящее зло?	283
195	• В чем наша главная забота?	285
196	• Стремится ли человек к счастью?	286
197	• Существует ли молитва философа?	287
198	• Реальна ли судьба?	289
199	• Умру ли я?	290
200	• Должен ли я умереть?	291
201	• В чем смысл моей смерти?	292
202	• Какой же главный вопрос человеческого существования?	293
203	• Что вообще нужно делать, помимо того чтобы жить и выживать?	294
204	• В чем трагедия и преимущество русской философии?	296
205	• Что значит, что не осмыслена проблема бытия?	298
206	• Принадлежит ли мне что-нибудь сущностно и принадлежу ли я сам себе?	299
207	• Почему до сих пор ничто не уничтожило человечество?	301
208	• Почему глупо говорить о тщетности жизни, несмотря на смерть?	302
209	• Каким хлебом жив человек?	303
210	• Почему мы никогда не узнаем истину?	304
211	• Действительно ли нуждается человек в спасении?	305
212	• На чем держится наше существование?	306
213	• Почему люди предпочитают не думать о «последних вещах»?	307
214	• Почему иногда становится совершенно безразлично — жить или не жить?	308
215	• Почему мы так ничего и не узнаем, когда умрем?	309

216 • Мы вечны?	310
217 • В чем суть нравственной истины?	311
218 • В чем действительная проблема человека?	313
219 • Предназначен ли человек для чего-то высшего?	314
220 • Что происходит вообще?	315
221 • В каком смысле философия есть честность?	316
222 • Возможен ли сегодня философский ренессанс в России?	317
223 • Что значит честно думать об истине?	319
224 • Почему нам дорога философия?	320
225 • Что такое стремление к истине как истине?	321
226 • Кто может воскликнуть: «Пусть погибнет человек, лишь бы восторжествовала истина»?	322
227 • Все же смысл жизни или промысел?	323
228 • Жизнь всерьез или нет?	325
229 • Что значит быть человеком?	326
230 • Почему человеком быть трудно?	327
231 • Почему абсурдно все?	329
232 • Чем жива душа русского человека?	330
233 • Изменилось ли что-то в самих основах бытия?	331
234 • Мог бы мир быть иным?	332
235 • Новое религиозное сознание или просто сознание?	333
236 • Что значит сегодня, что философия есть поиск человека?	335
237 • Возможна ли философская альтернатива?	337
238 • Зачем же все-таки нужна философия?	338
239 • В чем разочарование философа?	339
240 • Что значит это философствование всерьез?	340
241 • В чем наша задача?	342
242 • Где же искать философию?	343
243 • Почему так мало философии?	344
244 • Почему все-таки философия — самая лучшая вещь в мире?	345
245 • Что происходит сейчас?	346

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	347
-------------------------	------------

Предисловие

Когда современный человек видит или слышит слово «философия», у него возникают весьма разнообразные и, как правило, неадекватные образы и представления. Это касается и любителей, и «профессионалов». Философия теперь мыслится всего лишь как одна из форм культуры и воспринимается как предмет исключительно частного интереса и личной склонности. И это в лучшем случае. Говорить о каких-либо универсальных всечеловеческих измерениях философии уже невозможно, как невозможно говорить о влиянии философии на общественную и культурную жизнь. Только в качестве академической философия сегодня имеет хоть какую-то социальную и культурную легитимность.

Академическая философия стала одним из проектов гуманитарной науки, но проектом, нужно сказать, не самым прибыльным и не самым интересным. А главное — не улавливающим существо того явления, которое в метафизических глубинах души по-прежнему вызывает восторг и благоговение. Роль философии в академическом пространстве, увы, уменьшилась, что позволило некоторым интеллектуалам говорить о «смерти философии». Конечно, в современной череде смертей, среди которых смерть Бога, смерть Автора, смерть Человека и т. д., смерть Философии не выглядит как-то особенно катастрофично.

Считается, что культура вступает в новую фазу своего бытия, сопровождающуюся отмиранием прежних институтов, принципов и ценностей, среди которых философия с ее притязаниями на истину выглядит как наиболее зловещее образование, явно враждебное установкам медийной культуры. А установка здесь одна — удержать человека в коконе бессмысленного существования как нормы, так и не дав родиться ничему существенному. Многообразие возможно-

стей такой культуры оборачивается на деле пустотой, поскольку философия, как главная инстанция смыслообразования, оказывается не работающей. Стенать по этому поводу бесполезно, но говорить об этом надо.

Власть медиа настолько сильна, что создает угрозу превратить жизнь в бессмыслицу. В этой ситуации вся надежда только на философию, которая очевидно нуждается в защите. В защите от непонимания, которое рождает скуку и пренебрежение. В защите от тех, кто профанирует философию. Но и в защите для тех, кто ищет философии и только философии. Цинизм культуры не должен пугать истинных рыцарей философии.

Конечно, сами философы во многом виноваты в том, что положение философии стало шатким и неопределенным, а порой и смехотворным. Официальная философия (и досоветская, и советская, и постсоветская) демонстрировала и демонстрирует по преимуществу наукообразную форму философии, которая убивает всякое живое движение мысли. Пожалуй, наукообразие (хотя бы и в одеждах религии) — самый страшный враг философии. Поэтому вопрос о новых формах и типах философствования давно стоит на повестке дня. Но именно философствования, а не подмены философии одним из существующих «дискурсов культуры».

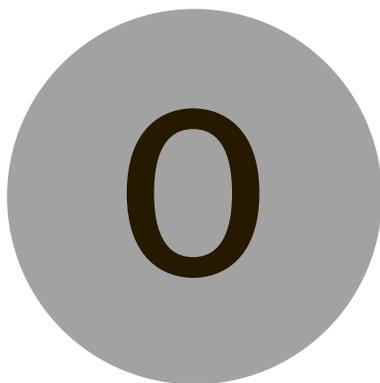
Представленный текст выполнен в форме вопросов и ответов (лучше — только вопросов). Это требует некоторых пояснений. Дело в том, что в философии каждый ответ рождает новый вопрос. Такова «логика и структура философского знания», если выразиться стандартным языком. По-иному можно сказать, что философия существует по преимуществу в форме *вопрошаний*, в форме *вечных* вопрошаний. Ответы (*конечные* ответы) дают все остальные области «духовной культуры». Дело философии — спрашивать, пробуждая нравственную и интеллектуальную совесть живущих, не позволяя им окончательно впасть в спячку, которую провоцирует утвердительная убедительность разных ответов. Истина вопросов — вот истина философии. И потому разговор о ней должен быть построен преимущественно в форме философских вопросов.

Но может возникнуть закономерный вопрос: «А нуждается ли вообще философия в оправдании и обосновании?»; то есть: «Нуж-

дается ли философия в защите?» Действительно, *кто* может претендовать на то, чтобы выступить в роли *адвоката философии*? Чья это вообще забота — философия?..

Так нуждается ли сегодня в защите философия? Вопросов может быть гораздо больше — или меньше; главное, чтобы они были.

Вопросы

философии

Существует ли основной вопрос философии?

С этого вопроса, собственно говоря, и нужно начать, ответив, что основной вопрос философии, конечно, существует и что это есть *вопрос о самой философии*. Мы так отвыкли от серьезного, что уже считаем нахождение главного в какой-то сфере, в том числе и в философии, нарушением некоей негласной политкорректности. Если мы основным вопросом философии полагаем вопрос о самой философии, то тем самым не провозглашаем никакую замкнутость, элитарность и отстраненность философии; в этом нет вообще никакой кастовой, то есть профессиональной, изоляции. Это поистине *всеобщий вопрос*, касающийся всех и каждого, но который в силу определенных причин стал маргинальным, незначимым, несущественным. Действительно, сегодня мало кого волнует основной вопрос философии и даже судьба самой философии (что не значит, что с этим можно и должно мириться). Такое вопиюще абсурдное положение вещей говорит лишь об одном: о крайнем обмельчании и оскудении современных людей (и философов в том числе). Конечно, наивно и утопично полагать, что философия может стать общим делом. Но современное забвение и дискредитация философии поистине нестерпимы и несовместимы с достоинством человека. Ситуация в культуре складывалась в последние несколько столетий таким образом, что основной вопрос философии предстал в виде *вопроса о первичности* — «первичности бытия» или «первичности сознания». Вопрос о «первичности» является в действительности вторичным вопросом, то есть вовсе не является философским вопросом; как будто вопрос о *бытии бытия* или о *бытии сознания* был решен или хотя бы поставлен! Постановкой о «первичности» были дискредитированы и основной вопрос философии, и сама

философия, которая стала восприниматься массовым общественным сознанием, в том числе сознанием творческим и не чуждым образованности, в качестве смертельно скучной наукообразной штуки, представляющей интерес и какую-то особую значимость лишь для «ненормальных» профессоров и заумных чудаков. Основной вопрос философии, претендующий на основность и серьезность, звучит так: *почему люди философствуют?* Как возможна философия? Что есть собственно философия? Основной вопрос философии, будучи исключительно философским вопросом, в то же время есть основной *жизненный вопрос*, поскольку жизнь организована таким образом, что в ней главным действующим лицом является не просто человек, но *человек философствующий*. Недооценка этого свойства приводит к искаженным представлениям о жизни, порождающим то, что принято называть «ложным сознанием» в его различных видах. Концентрация внимания на основном вопросе философии, в центре которого — *вопрос о человеке философствующем*, должна способствовать раскрытию иллюзорности и неподлинности ложного сознания и основанных на нем представлений о жизни, питающихся отбросами того мышления, которое давно покинула философия. Все это должно продвигать к *истинной жизни* — единственно возможному человеческому прогрессу; ее достижению способствует правильно поставленный основной вопрос философии.

Как философия связана с жизнью?

Поскольку основной вопрос философии есть жизненный вопрос (в плане того, что жизнь организуется философствующим «субъектом жизни», то есть человеком), то необходимо прояснять всегда возникающий вопрос о том, как связаны и связаны ли жизнь и философия? Здесь сразу же возникает опасность неверной трактовки связи жизни и философии, проявляющейся в постановке, например, таких вопросов: насколько жизнь философична, а философия жизненна или, наоборот, насколько нефилософична жизнь, а философия безжизненна.

Все это в свете основного вопроса философии, который есть вопрос о самой философии, неважно. Совершенно неважно, как соположить жизнь и философию, потому что можно бесконечно размышлять о жизненности или нежизненности философии или философичности или нефилософичности жизни, и это никоим образом не приблизит к пониманию ни жизни, ни философии. Жизнь, конечно, сильнее философии в том плане, что можно жить, не философствуя, но нельзя философствовать, не живя. Осознание того, что жизнь без философии вовсе и не жизнь, приходит слишком поздно и не ко всем, поскольку «жизненные» заботы умело отвлекают человека от главного, уводя в несущественное под видом жизненно необходимого. Враждебные по отношению к философии люди упрекают философию в «нежизненности», а слишком увлеченные философской стихией во всех жизненных проявлениях склонны видеть только философию.

Главное здесь понять, что вопрос о философии есть основной вопрос философии, и в этом смысле он же есть основной вопрос жизни, поскольку жизнь творится, осмысляется и постигается

тем, кто способен философствовать. Основной вопрос философии есть поэтому *основной вопрос человека*, поскольку в своем философствовании человек попадает под собственное вопрошание. Это тот вопрос, который задает человек самому себе на вершинах своего духа и на пределе своей искренности. Неверно упрекать философию в отрыве от жизни, поскольку философия является *высшей формой жизни* (что, конечно, не отрицает иные формы жизни, но, по крайней мере, их не оправдывает и тем более не возвышает). Философия строга в этом плане, и ее надменность проистекает из той жизненной ситуации, в которой находится человек. Более того: философ преодолевает *дуализм жизни и философии* тем, что полагает саму философию предельным случаем жизни. И вопрос о *смысле жизни* есть вопрос о *смысле философии*. Поиск смысла жизни в самой жизни или за пределами жизни бессмыслен, поскольку жизнь и смысл сущностно внеположены друг другу. И если уж спрашивать о смысле жизни человека, то нужно спрашивать: в чем *смысл жизни умерших*? Но это уже за гранью всякой логики и этики. Нужно искать не «смысла жизни» и смысла нужно искать не в «жизни», но в философии, которая по-своему, «по-философски» ставит этот вопрос, в самой постановке которого проявляется *человеческое и только человеческое*.

Можно ли дать ответ на философский вопрос?

Особенность философского вопроса в том, что он существует не для того, чтобы на него давать ответ, и тем более «правильный». В философии каждый ответ — это новый вопрос. Взгляд, согласно которому можно дать ответ на философский вопрос, значительно сужает философский горизонт, превращая философию в шараду или головоломку, которую, предполагается, можно разрешить логически правильным ходом мысли. Все дело в том, что философские вопросы — это вопросы только по форме, по привычной *грамматической форме*; то есть *лингвистически* философские вопросы — это вопросы, грамматические вопросы языка, на которые, согласно всем нормам этого языка и мышления, должен быть дан ответ. Что не имеет ответа — не имеет права на спрашивание и задавание. Но «философские вопросы» — это вовсе *не вопросы*, а *вопрошания*, то есть бытийные сентенции, в «темном» просвете которых возникает все то, что не понимает разум, не чувствует чувство, но то, что наполняет, удерживая в пребывании. Философские вопросы-вопрошания поэтому держат. Это и есть держание истины, держание истиной. И в этом смысле пытаться отвечать на философские вопросы, как это всегда имеет место в других областях культуры, значит опускать жизнь в «духовные низины», если вообще не подрывать ее основы. Вот почему вопрос о *подлинной жизни* — это исконный философский вопрос, возникающий как ответ на нефилософский вызов *ответов*, которыми так бессодержательно полна человеческая культура. Смысл философии в том, чтобы держать накал философских вопросов, не давая им ослабеть или вовсе пропасть в ответах жизни и культуры.

Как философия бытийствует?

Поскольку философия по своему существу самая непринуждаемая и невынуждаемая форма человеческого духа, чья беспредметность равна творческой и нравственной дерзости философствующего, то всегда оказывается чрезвычайно трудно определить *строгую сферу философии*, выявить ее *этнос*, который был бы равен ей самой и не сводился бы к чему-то другому — нефилософскому, околофилософскому, псевдофилософскому. «Официальная» (культурно-канонизированная) история философии — это как раз история по преимуществу псевдо- и околофилософии. Но *дух философии* воистину дышит как хочет. Это создает всегдашнее напряжение внутри философского сообщества по поводу нахождения «чистой» философии, отделения философии от не-философии. Собственно, существующая история философии по большей части этим как раз и занята. Если давать детальное описание того, как представлена философия в человеческой истории, то получится долгая и запутанная история, с бесконечным размыванием жанровых границ и переходом из одного культурного ареала в другой. В конечном итоге философией окажется либо вообще *все*, либо *ничего*. Такая странная ситуация говорит не о дисциплинарной слабости философии; она свидетельствует о *странном положении человека в мире*: он может вынести свое бытие лишь с помощью философии. Понять, что философствование есть основной способ человеческого бытия, говорящий о *человеческом* наиболее внятно, честно и непредвзято, может только настоящий профессионал от философии. Философия может быть *сознательной* (как в случае профессиональной философии) или *бессознательной* (как во всех остальных случаях), но именно философия способствует протеканию

человеческой жизни в наличных условиях. В жизни нельзя не быть философом; человек заключает определенную «метафизическую сделку» посредством философии, поэтому он существует во всем диапазоне своих проявлений. И бытийствование философии так же многообразно и разнообразно, как многообразны и разнообразны состояния человеческого духа. Но есть все же некий, при всей условности и относительности, *канон философии*, задающий определенные инвариантные темы, положения и конструкции, в которых философия получает наиболее адекватное бытийствование. Ядро этого канона — *само философствование*, в процессе которого происходит *немыслимое*, посредством чего все мыслимое получает легитимность. Это ядро невозможно полностью рационально и вербально эксплицировать, поскольку в нем задействованы предельные состояния человека: удивление, отрешенность, ужас, отчаяние, вопрошание... Но при всей неопределимости ядра философии сама философия проявляется в формулировании *онтологических положений о мире*. Таково требование мира, которое философия нарушить не может; она всегда формулирует положения о мире, что, безусловно, сужает диапазон «чистой философии». По этой причине она всегда так или иначе располагается на иных территориях, с безусловной потерей своей автономности. В мире существует по преимуществу *культурно-эксплицированная философия*, которая предстает в таких наиболее распространенных формах, как *религиозная философия* и *научная философия*. В них используется *лишь техника философского мышления* для достижения внефилософских целей (в одном случае религиозных, в другом — научных). При этом нельзя сказать, что онтологические положения не формулируются в научной и религиозной философии; они, конечно, имеют место и в них, но подчинены иным целям. Сильнее, глубже и оригинальнее, нежели в науке и религии, философия проявляет себя в *искусстве*, однако, в отличие от устоявшихся определений «религиозная философия» и «научная философия», определения «художественная философия» не существует. При этом онтологические положения с большей степенью свободы могут формулироваться вербально (в литературе) и даже невербально (в музыке и живописи), что отнюдь не ставит знака равенства между философией и литературой, фило-

софией и музыкой (как, естественно, нет его и между философией и наукой, философией и религией). Введение искусства в сферу философии приводит к разделению философии на *академическую* (научную и религиозную) и *вольную* (эссеистскую, основанную на художественном творчестве, а не на научной эпистемологии). Это дает возможность «отщепить» еще один слой философии; его можно назвать *житийным* (не путать с «житейским», то есть с обыденными рассуждениями профанов), в котором философствование происходит не словом и мыслью, не каким-либо иным невербальным эстетическим жестом, но поступком и самой жизнью. Такой вид философии можно было бы определить как *нравственную философию*, если бы это словосочетание не было основательно «испорчено» в недрах академической философии, где ему предписан строгий методологический статус, совпадающий с дисциплинарным пространством этики. Все это невероятно проблематизирует существующий философский дискурс в поисках *истинной* философии, осложняя и запутывая ситуацию, но в то же время способствуя более глубокому постижению основ философии и человеческого бытия.

В чем двуликость философии?

Философия всегда предстает в двух ипостасях. С одной стороны, это — традиционно наиболее утонченная и филигранная умственная деятельность некоторых избранных, количество которых несравнимо мало по сравнению с «обывателями», на бесконечность отдаленными от этой деятельности и не имеющими ни малейшего представления о том, что такое философия и чем она занимается. Такое рафинированное представление о философии глубоко укоренено и широко распространено в истории, обществе, культуре, да и в самой философии. С другой стороны, элитарность философии, вполне правомерная, не исчерпывает всей ее полноты и перестает работать, когда философия раскрывает другую свою ипостась — предстает как *философствование*, то есть как вопрошание о самых сокровенных для человека вещах, без чего он не может быть человеком. Это универсальное свойство философии включает в ряды философов все человечество до последнего его представителя, поскольку такое размышление — не «умствование» одиночек, а насущная потребность всех. Этот *универсализм философии* обнаруживается только у нее; ничего подобного нельзя сказать ни о религии, ни о науке, ни об искусстве: их творцы и высшие представители (ученые, жрецы и художники, то есть «профессиональная каста») существенно отличаются от адептов и простых потребителей «продуктов» религии, науки и искусства. В философии как философствовании ситуация принципиально иная. Здесь «профессионалы» не имеют привилегий перед простым человеком; последнего нельзя называть дилетантом, поскольку для него философствование и есть его жизненный «профессионализм» *быть человеком*.

С чего началась философия?

Что было в начале: философ задумался, а потом удивился или сначала удивился, а потом задумался? В любом случае удивление всегда значимее как наиболее глубокое проявление человеческого существа. И совершенно бессмысленно и бесполезно для понимания сущности философии думать о ее «историческом начале», гадать о том, был ли период, когда философии *еще* не было, была ли *предфилософия*, произошла ли философия из мифа, обыденного языка или еще из какой-нибудь иной нефилософской стихии. Это все предмет для теоретических изысков, мало имеющих отношение к человеку в его бытийной связи с философией. Философия была всегда; она существует столько, сколько существует человек, поскольку это — основной способ его бытия как человека. Человек существует посредством философского укоренения в сущем, осознает он это или нет. А спрашивать, сколько существует человек, значит вообще не понимать человека.

Почему несостоятельно выражение «философия — любовь к мудрости»?

Как иногда может подводить перевод, даже правильный лингвистически, то есть научно верный перевод! Убеждение в том, что философия есть любовь к мудрости, разделяют абсолютное большинство людей, так или иначе соприкасавшихся с философией или, по крайней мере, слышавших такое слово. Это самый удобный, безопасный и бесполезный способ понимания философии. Взгляд на философию как на любовь к мудрости является в высшей и худшей степени дилетантским воззрением, исходящим из поверхностных представлений о том, что такое философия. Здесь искажение прямо пропорционально непониманию и, более того, коллективному умопомрачению. Придерживающиеся такого воззрения априори убеждены в том, что мудрость — высшее свойство человека, а мудрец — высший и исключительный человек. При таком воззрении философу уделяется служебная и вторичная роль быть всего лишь любителем мудрости, наподобие любителя хорошего вина или изысканных произведений искусств. При достижении мудрости нужда в философии отпадает, потому что мудрец — не философ: он мудрец, в нем философия прекращает свой поиск, поскольку цель достигнута. Если же философия так и не достигает этой цели и остается лишь на положении любви к мудрости, ее ценность как неудачного дела падает. Но тогда вряд ли кто-то занимался бы столь безнадежным делом всерьез.

Что значит неведомый Бог философов?

Вопрос о Боге — не только религиозный вопрос. Еще предстоит выяснить, как произошло, что именно религия сделалась официальным «департаментом культуры» по «делам Бога». В любом случае необходим минимальный исторический экскурс, чтобы прояснить самоочевидное. Христианству присуще умаление значимости античных философов и в то же время их некоторое возвышение. Философы в глазах христиан не просто язычники, это — «детоводители ко Христу», «христиане до Христа», которые, несмотря на то что жили в «темные» времена, были частично просвещены светом «Божественной истины». Современники считали античных философов «атеистами», поскольку последние отрицали реальных богов, видели в их «атеизме» нечестие, отход от «культы предков» и нежелание почитать «народные святыни». Но христиане считают, что это отрицание связано как раз с тем, что философы, зная «неведомого Бога», уже не могли в полной мере поклоняться ложным языческим богам. Такова стандартная апологетическая схема, вписывающая дохристианскую философию в более широкий христианский культурный контекст. Но суть в том, что философы вообще не поклоняются никаким богам — ни «ложным», ни «истинным». Не поклоняются они, как того хотели бы гуманисты, и человеку. «Неведомый Бог» философов неведом религии вообще: ни христианской, ни языческой, ни атеистической. Бог философов — Бог Бытия, то есть Тайна Бытия. Это особый, *принципиально нерелигиозный* тип мировосприятия, в котором нет «выделенного» места «божественному» как такому высшему началу мироздания, которое являлось бы моноисточником всего сущего, на основании чего сущее делится на «духовное» (невидимое, божественное, «мир идей») и «мате-

риальное» (небожественное, видимое, «мир вещей»). *Дуализм*, объясняющий *неизвестный* мир, не имеет к философии прямого отношения. Он, можно сказать, контрабандой проник в философию под *маской идеализма* (вернее, аскетического идеализма, питаемого изначально жадной *антропологического раскола*). «Тело — гроб души» — такова максима аскетизма, порождающего дуализм мира идей и мира вещей, положенный в основание христианской метафизики, вне которого она не могла бы состояться. Тот же дуализм послужил науке, став ее «методологией». Это та точка, где христианство и наука слились в едином порыве — познать *невидимое*. Но *Неведомое* философии не равно *Невидимому* религии и науки; философия хранит тайну неведомого мира. «Неведомый Бог» философов чужд всякого дуализма; он *ведает только неведомое*, он знает только тайну бытия, в свете которой невозможны никакое объяснение бытия, никакая вера и никакое знание, но возможно лишь единственно верное чувство по отношению к неведомому миру — *удивление*. Здесь философское совпадает с истинно человеческим; удивление перед тайной Бытия и есть то мирочувствие и мироощущение, на основании которого любой человек может прийти к философии, если он «правильно» мыслит и чувствует и при этом честен перед собой.

В какой мере философия зависит от языка?

Тема языка — достаточно модная тема в философии. Недавно попав в нее, она наделала там много шума и суеты, извратив образ философии, которая стала восприниматься еще менее адекватно. Еще неизвестно, что больше причинило вреда философии: закрытие философских школ или «лингвистический поворот». Но «попадание» языка в философию не случайно. Философия есть во многом *поиск философии*, и потому — *поиск языка философии*. Что есть подлинный язык философии? И есть ли он? Все имеют свой язык, который ни с чем нельзя спутать. Богословский текст отличается от художественного, и оба, в свою очередь, отличаются от научного. Бывают пограничные (междисциплинарные) зоны и некие «синтетические» построения. Однако, как правило, они неудачны и не имеют особого значения в культурном развитии. Чистота стиля является залогом культурного прогресса, если таковой вообще существует. Только чистый язык религии смог создать религию как мощнейший социальный институт и великую духовную силу; только чистый язык искусства создает мир искусства, художественную власть над миром; и только чистый, беспримесный язык науки создает науку, которая приобретает уже лидирующее положение в самой жизни. И только философия не имеет своего чистого «стоцентного» философского языка, который можно было бы просто показать, ничего не доказывая. Философия часто дрейфует то в сторону науки (и тогда возникает иллюзия «научной философии»), то в сторону религии (и тогда появляется миф о «религиозной философии»), то в сторону искусства в его различных формах. Искусство — более уместное обиталище для философии. Однако оно всегда побеждает: эстетика изгоняет этику, такова печальная судьба философии в искус-

стве. Искусство также стремится к чистоте и всегда жертвует «философской глубиной» ради художественного изящества. Определить же философский язык, тем более как *вербальный язык*, не представляется никакой возможности. Его нет, есть только *дух философии*, который и есть сама философия. Невоплотимый ни в один из языков философский дух воплощается в саму философию, в ее имя. И только. Этого достаточно, чтобы философия, не будучи связанной ни с каким особым философским языком, да и вообще с языком как таковым, стала единственной реальной силой в истории и в самой жизни.

Почему язык есть препятствие для философии, а философия есть борьба с языком?

Философия в своем прорыве к истине (безотносительно к тому, как ее понимать: как подчиненную бытию или тождественную бытию) всегда прорывается через множество препятствий, которые возводит язык. Многообразие языков раздробляет мышление, и мышление вместо того, чтобы соответствовать бытию, часто подчиняется языку. *Борьба философии за истину — это борьба с языком.* Язык не позволяет сформулировать ни одну по-настоящему философскую проблему, уводя в глубь бесконечной вереницы иносказаний, интерпретаций и многозначности. Власть языка безгранична. Хитрость его в том, что он стремится перевести значимое в незначимое, абсолютное в относительное, философское в *житейское*. Ничто так не отдаляет от истины, как эстетическая прелесть языка и его семантическая неисчерпаемость. Есть где разгуляться поэту, лингвисту и герменевтику, но философу в этой компании делать нечего. В том-то и заключается борьба философии с языком. Однако язык может стать «проводником истины», если его воспринимать не как «средство коммуникации», а по крайней мере как «дом бытия». Это другой, «нелингвистический», язык — язык самой философии, в котором истина бытия обретает свое бытие. Эту динамику высших сущностей улавливает философия, понимает ее и потому сохраняет. *Язык философии — сама философия;* по сути, она является метаязыком для наличного языка, то есть языка, в котором в силу его бесконечных несовершенств (или совершенств, что в данном случае одно и то же) происходит забвение бытия. Наличный язык непригоден для философии; наличный язык приспособлен более всего для литературы, поскольку в ней искаженная истина бытия приобретает эстетически приемлемый вид. Поэтому часто филосо-

фия делает рывок в сторону молчания как наиболее верного способа заклания языка. Только нужно понимать, что философское молчание не равно религиозному безмолвию и научному косноязычию. Философское стремление к истине всегда наталкивается на языковое препятствие, которое есть и соблазн, и безумие и преодолеть которое значит встать на путь философии.

О чем говорит философское вопрошание?

О чем оно только не говорит! И все же философское вопрошание имеет свою строго очерченную «интенциональную структуру», что, однако, не делает философию «строгим знанием». Эта структура совершенно очевидно отличает философское вопрошание от научного познания, религиозной веры и творческого вдохновения. Вот только для чего и нужно говорить о строгой форме философского вопрошания. В чем же существо отличия? Раскрывая структуру философского вопрошания, мы сталкиваемся со странным парадоксом: истинное философское вопрошание свидетельствует о *бесполезности* истинного философского вопрошания. Чтобы не попасть в «порочный круг» логики и не стать жертвой обывателя, который обрадуется, услышав о бесполезности философии, и в очередной раз упрекнет философию в ненужности, следует прояснить, что означает «бесполезность» в данном случае. Ведь существует давний налет презрения, покрывающий философию как нечто совершенно ненужное, нежизненное и бесполезное. Бесполезность в философском плане понимается, конечно, не в узкоутилитарном смысле, но в смысле высших интенций человеческой мысли, поскольку философия есть предельная мыслительная деятельность из всех существующих. Что же открывается в результате мышления на *пределе возможного*? Что это: вопрошание *ни о чем, ни у кого и ни зачем*? Зачем нужно философское вопрошание? Принесло ли оно какую-либо пользу человечеству? Нисколько. Зачем же тогда это никому не нужное философское вопрошание? Ни зачем. Спрашивать о том, зачем философское вопрошание, все равно что спрашивать о том, *зачем бытие*? Но именно в этом предельность мысли достигает своего мыслимого предела. Действительно, зачем бытие? Зачем

быть? В *логике языка* такой вопрос правомерен, но его правомерность указывает на конкретный прагматический смысл; в *логике философии* этот вопрос переступает все границы дозволенного, принятого и понятного. На него можно было бы наложить «апофатический запрет» (наподобие того, как в богословии табуирован вопрос о «смысле бытия Бога»). В том-то и дело, что бытие и, соответственно, философское вопрошание о бытии никому не нужно, ни к чему не ведет, ничего не прибавляет. Это открытие, но открытие особого рода — открытие-потрясение, в котором мы понимаем, что философское вопрошание все же о *чем-то свидетельствует* и на что-то намекает, что в этом странном намеке свершается истина бытия, доступная человеку, делающая человека человеком. Ничего не давая человеку *конкретно*, философское вопрошание дает ему *все*; оно дает ему возможность делать и давать, то есть быть, быть вообще. А *быть* без спрашивания о том, «зачем быть?», человеческому существу невозможно. Вот почему человек никогда не сможет обойтись без философского вопрошания. Он может обойтись без всего, пожертвовать всем, но вот отказаться от философского вопрошания — не в силах, ибо он — человек. В самых потаенных и бессознательных глубинах его души свершается работа философского вопрошания. У одних она свершается радостно и непринужденно, у других — надрывно и тяжело, но свершается у всех, кто называет себя людьми. И пока человек остается человеком, он будет непрестанно вопрошать. За миг до окончания жизни свершается вся полнота философского вопрошания — полнота заката и удушающего отчаяния. Вот это и есть «хлеб наш насущный», это и есть всё. *Потому что есть философское вопрошание, им и жив человек.*

Из вопрошающей сущности философии возможно ли понять истину жизни?

Да, возможно; из чего же еще ее понимать? Пусть это звучит как максима, но вопрошающая сущность философии есть единственная возможность понять, осмыслить, принять и оправдать наше существование. Если мы, конечно, хотим понимания *истинного*, то есть искреннего, честного и правдивого. Чем бы это нам ни угрожало. Если не хотим и дальше пребывать в иллюзии. Отказ от философского вопрошания всегда порождает чудовищ.

Что мы делаем, когда философствуем?

Философствование нужно рассматривать как *предел философии*. Когда мы философствуем, то нельзя сказать точно, что мы делаем. Можно определить это через отрицание: когда мы философствуем, мы точно *не* — не познаем, не объясняем, не рефлекслируем, не трансцендируем, не медитируем, не созерцаем, не молимся, не изменяем, не критикуем. Когда мы философствуем, мы лишь философствуем, и все. Это предел делимости, за которым следует «натуралистическая ошибка». Философия есть философствование, и когда мы философствуем, мы ничего другого не делаем, кроме того что философствуем. Вот такая странная тавтология. Это не уход от ответа, это не «пустота» философии — это ее сущность. Объяснить, что такое философствование как таковое, значит свести философию к не-философии. Так и поступают чаще всего: воспринимают философию как деятельность познания, созерцания, понимания и проч. Можно сказать, *с чего началась философия*. С удивления. Но сверх того, что в философствовании мы лишь философствуем, мы более ничего сказать не можем. В чем заключена сущность смеха помимо «смеяния», а сущность плача помимо «плакания», сущность познания помимо «познавания»? Ни в чем. Все это неразложимые, предельные основания, за которыми не следует равным счетом ничего. *Философствование* для философии и является таким предельным и неразложимым основанием. В философствовании происходит философствование. Кто на это способен, тот знает, о чем идет речь.

Связана ли смерть с философией?

Философия так много, глубоко и оригинально размышляет о смерти, что за последней утвердилась репутация быть неизменной спутницей философии. Однако на чаше весов абсолюта возникает дилемма: что важнее — *вопрос о бытии* или *вопрос о смерти*? Она возникает неспроста, поскольку есть сомнение в том, насколько *вопрос о смерти* является в строгом смысле философским вопросом. Возможно ли философское вопрошание о смерти? Входит ли *вопрос о связи смерти и бытия* в самый нерв философского вопрошания? Не происходит ли здесь какой-то подмены? Человеку как мыслящему и чувствующему существу свойственно размышлять о смерти, что он и делает в той или иной мере практически каждый день. Однако философская ценность такого ежедневного размышления о смерти сильно преувеличена, поскольку это по большей части *вынужденное спрашивание*, вызванное физиологическим испугом, моральным дискомфортом, психологическим желанием если не избавиться от самой смерти, то, по крайней мере, уйти от «гнетущих мыслей» о ней. Неотступность смерти безжалостно истребляет всякую прочность и стабильность; вновь и вновь возникающая смерть или надвигающаяся ее тень невольно возбуждают вопрос о смерти, оставляемый обыденным сознанием не просто нерешенным, а «плохо» нерешенным. В конечном итоге обыденное сознание трансформируется в традицию, которая предлагает *ритуал умирания и смерти*, в котором далеко не все *сердечно*, но зато все *понятно*. Ритуал равнодушен к страданиям и переживаниям отдельного человека, и тот, чувствуя его неподлинность и лицемерие, всегда стремится выйти за границы традиции — и приходит к философии. А что же философия? Не учит ли она как-то *особенно* отно-

ситься *именно* к смерти? И не отличает ли истинно философский взгляд на вещи собственное «философское» отношение к смерти? Можно с уверенностью сказать, вспомнив лишь вершинные философские произведения, что философия учит презирать смерть, не бояться смерти, возвышаться над смертью, не замечать и не принимать ее, в конце концов. Но возможно, что именно здесь происходит тонкая и незаметная подмена философии религией, поскольку очень часто *философское презрение к смерти* превращается в *духовное желание избавиться от смерти*, оставив неосмысленным сам феномен по существу. Оправдание философии видят в том, что она своими размышлениями готовит почву для религии, которая в принципе может обойтись и без нее. Как правило, так и происходит: философия, подойдя к пределу, сдает свои полномочия религии, отрицая тем самым всяческую самостоятельность. *Непоставленность и нерешенность вопроса о смерти* существенным образом «портит» наличное существование, так и не позволяя восторжествовать ни справедливости, ни свободе, ни счастью в той мере, в какой бы это соответствовало подлинно человеческим представлениям о жизни. Но как же можно поставить и тем самым решить вопрос о смерти, если он сжигает? Смерть обжигает всякого, кто осмеливается к ней прикоснуться даже мысленно. Смерть просто-напросто убивает, не оставляя ни малейшего шанса никому и ни на что. Возможно, философия именно в этом вопросе, *в вопросе о нерешенности вопроса о смерти*, соприкасается со смертью больше, нежели в «размышлениях о смерти», которые всегда имеют утилитарную цель «правильной» подготовки к смерти.

Существует ли истинное понимание смерти?

Необходимо признать, что человечество не имеет, не имело и не будет иметь ни правильного представления о смерти, ни правильного понимания смерти, ни правильно поставленного вопроса о смерти, ни тем более «правильного» ответа. Единственно, к чему пришло человечество в вопросе о смерти, так это к альтернативе: либо смерть — *конец*, и жизнь конечна; либо смерть — *переход*, и жизнь бесконечна. Но это относится к «обыденному» *нефилософскому* человечеству. Что же у самой философии? Если философию полагать главным *делом человека*, делом его *подлинной жизни*, нужно прямо и честно спросить: может ли быть основной заботой человека его «смертное» или «бессмертное» существование? Так ли существенна проблема бессмертия для человека? Не есть ли это сугубое дело верующих и концептуальных атеистов? Смерть может как приводить человека к философии, так и уводить от нее. Часто бывает, что и философ при соприкосновении со смертью перестает быть философом и превращается в обыденного человека, срываясь в область *конкретного знания о смерти и конкретного ответа*. Амбивалентность действия смерти в том, что, с одной стороны, она разрушает *целесообразность самого вопрошания*, а с другой — именно смерть делает философское вопрошание целесообразным в высшем смысле, поскольку посредством него человек делается человеком. Возможно, философское вопрошание и не возникло бы, не будь смерти. Поэтому смерть входит и в «план вопрошания», и в «план существования». И входит не в качестве возможного модуса «субстанции» бытия (или небытия), но как *главный мотив* философского вопрошания. В любом случае мы должны смерть принять в расчет и сказать, что философское вопрошание — не вопрошание о

смерти и *смысле смерти*, это — вопрошание *о смысле бытия*, которое делается возможным (уместным и приличным) лишь *в ситуации смерти*. Абсолютное незнание смерти и смирение с этим незнанием — «норма приличия», задаваемая философским вопрошанием. *Смерть делает философию приличной*, делая неприличным обыденное существование, которое так грубо обходится со смертью, давая конкретные ответы там, где надо лишь скорбеть и молчать. И в такое неприличное обыденное существование попадает большинство традиционных ритуализированных форм поведения человека, то есть того, как он привык вести себя (например, «научно», «религиозно» или еще как-то — сообразно с канонами своего «культурного», «национального» или «профессионального» сообщества). Все эти «неприличные формы жизни» основаны на нецеломудренном отношении к бытию, таинственное покрывало которого всегда рвется под грубым натиском ответов и решений. Смерть пробуждает истинное благородство, разоблачая самодовольную претензию на знание и понимание, раскрывающее такое «приличное», но такое *неистинное* существование.

Может ли философия выступать в роли воспитателя?

Если воспитание и возможно, то *воспитание философией* есть единственный род достойного и мудрого воспитания. Философия воспитывает человека тем, что пробуждает в нем философствование. Такова филигранная духовная выделка человека, его этико-эстетическая сущность, как говорят ныне. Уже греки понимали это, видя, что философия, побуждая человека к философскому вопрошанию, раскрывает в нем благородный образ мыслей и поступков. Вот почему «мыслить» и «быть» синонимичны: *философски мыслить* значит *благочестиво быть*. Отмеченное особым образом проявляется в том, что, не имея никаких конкретных ответов на вопрос о смерти, не имея никаких «философских образов» смерти, только философия принимает смерть в расчет, только философия учтиво и *обходительно* относится к смерти. Оставаться благородным перед лицом абсурдно-неумолимой судьбы и неизбежного уничтожения! Кто еще способен на такое, кроме человека? Никто, кроме человека, воспитанного философией. *Философия — великий воспитатель великого в человеке.*

Может ли философия быть публичным делом?

Некогда говорили: «толпа не может заниматься философией». Это так. Такова истина. И дело не в том, что «толпа» недостаточно образованна, изысканна и благородна, чтобы заниматься философией. Парадокс философии состоит в том, что философия есть всеобщее свойство человека, не приемлющее коллективных и публичных форм. Философия — *дело одинокое*. Публичный философский диспут — всегда схоластический спор, в котором важна не истина, но способ аргументации того или иного мнения. Философия монологична по самой своей природе. Философия монологична вопреки всем дифирамбам диалогичности. Подлинный диалог как форма высокой диалектики есть на самом деле монолог. «Другой», «иной», «ты» — все эти понятия философии диалога имеют отношение к диалогу, но не к философии. И если уж говорить о диалоге, то диалог философа — это *диалог с истиной*. Философию можно только слушать, слышать, услышать. Здесь не предполагается никакого спора, никакой аргументации, никакого ответа, поскольку есть необходимость высказать собственную метафизику и быть услышанным. А услышанным можно быть лишь в тишине внимательного и почтительного слушания (что сродни музыке, которую воспринимают, даже если не понимают). Для философии необходима благонамеренная расположенность к принятию того, что часто теперь называют событием мысли. Или просто к истине, которая проходит через философскую мысль. Не «логика мышления» здесь нужна, а благочестивое смирение перед мыслью. Если этого нет, то мысль не придет, не родится или не обретется. Можно, конечно, «обсуждать», но по мере философствования круг участников обсуждения уменьшается, пока не превратится в точку трагического одиночества.

Бытие философии не коллективно; можно философствовать перед публикой, для публики, на публике, но не с публикой. Поэтому лекция и выступление в современных условиях — единственные возможности публичного философствования, где еще возможно философствование. Но как только выступление переступило черту «вопросов и ответов», то философия кончается; начинается обыденный разговор в форме схоластического спора.

В чем актуальность философии?

Словосочетание «актуальность философии» нелепо, но наше время — время, когда «актуальность» является способом легитимизации в культуре и, особенно, в «гуманитарном дискурсе». Давно уже пора ставить вопрос об *актуальности самой актуальности*, поскольку современное бытование актуальности связано лишь с компенсацией отсутствия глубины и смысла *актами имитации* глубины и смысла. Поэтому актуально то, что *популярно*, а не то, что *насуточно*, ибо существенно. Говоря об «актуальности философии» именно в *насуточном* смысле, нужно сказать, что философия всегда опережает и упреждает постоянно ускользающую от взора таинственную сущность вещей. И таинственная сущность всегда оказывается *главной темой жизни*, концентрированным выражением всего наиболее важного и сущностного, необходимого для жизни. В этом *бытийная актуальность* философии, поскольку для обыденной жизни, всегда полагающейся лишь на внешнее, очевидное и доступное научному уразумению, не видно, как свершается жизнь, из каких глубин и источников она черпает бытийную силу. Поэтому темы и вопросы философии всегда актуальны для ищущих жизни, а не проживания; философия всегда разворачивается там, где бытие в очередной раз приготовило свои дары. Но принять их можно лишь философией. И если это происходит, то жизнь обогащается новой «дозой» смысла, идущего из глубин бытия. Кто видит — тот видит, кто понимает — тот понимает.

Что такое школьная философия?

Часто, говоря о «вечных философских вопросах», уходят вообще от философии. Философские вопросы сводятся к перечислению стандартного набора тем, получивших статус «вечных». Обязательные среди них: смысл жизни и смерти; проблемы истины, добра и красоты; проблемы человека; возможности и границы познания; страдание и счастье, долг и любовь; природа и общество; язык и культура, религия и нравственность, знание и вера. Дело не в том, что эти темы не важны, что они не значимы и не вечны, а в том, что они не имеют отношения к философии. Все это может входить *в круг философии*, как и многое другое. Но важно понять, что философия — не набор жизненно важных, «экзистенциальных» тем, вопросов и проблем, но *состояние*, в котором все получает свою *проблемность*, неочевидность, неестественность и загадочность. А значит, не стоит заниматься выделением каких-то особенно «важных» и «значимых» для жизни вопросов, которые якобы могут быть решены с помощью философии. Возможно, для «школьной философии» это подойдет, но совершенно не подойдет для философии как состояния захваченности, составляющего исток всякого подлинного философствования. Школьная философия — это коллекция сюжетов философии, осевших в истории интеллектуальной мысли; гербарий мысли, в котором есть лишь тень и след мысли, но не сама вечно живая и ускользающая мысль. Вот почему обыденного человека совершенно не трогают темы смерти, жизни, страдания и т. п. Не тема зажигает философа, но свет, в котором видна проблемность всех вещей мира и самого мира.

Каковы наиболее распространенные заблуждения по отношению к философии?

Это заблуждения со стороны религии, науки и заурядного мышления. Поскольку они имеют наиболее сильное влияние на массовое сознание, общественное мнение и культурные ценности, то их взгляд на вещи часто просто полагается естественным и единственным. Общее у них одно: считать философию либо строго *рациональной* деятельностью, либо интеллектуальной игрой, неоправданной дерзостью, претензией, кичливой заумью. Понимание разума здесь исключительно интеллектуальное. Заблуждения со стороны религии выглядят так: 1) философия — логическое и систематическое конструирование мира, имеющее целью полное и абсолютное, то есть истинное, его описание; 2) философия основывается на религиозной интуиции, которая есть откровение мира (или откровение Бога о самом себе). Религиозная критика философии — это критика за отвлеченность, абстрактность, с одной стороны, и претенциозность на создание истинной, абсолютной картины мира — с другой. Ошибки со стороны науки таковы: 1) философия — наука, целью которой является рациональное осмысление чего угодно — методологии науки, нахождения предельных оснований культуры и т. д.; 2) философское удивление — разновидность психологической эмоции. Научная критика философии — это критика за рациональную невменяемость, заключающуюся в постулировании «туманных метафизических» предложений. Заблуждения со стороны заурядного мышления: восприятие философии как странной, чудаковатой, заумной, оторванной от жизни деятельности или как формы эскапизма. Здесь критика — это критика за непрактичность. Все эти ошибочные (и весьма распространенные) воззрения на философию имеют гносеологический исток:

убеждение, что философия — рациональная деятельность, то есть деятельность *познания*, упирающаяся в пределы, поставленные наукой, религией и заурядным мышлением (и преодолеть их невозможно, ненужно, да и опасно). Тем самым ошибочное отношение к философии есть раскрытие тех тупиков и ограниченности, которые обнаруживает человеческий разум, став научным, религиозным или заурядно-повседневным.

Вопрошают ли о разном философ и не-философ, когда они вопрошают?

Философия раскрывает *общие* свойства человека, являющиеся наиболее *человеческими свойствами человека*. Общие значит не обезличенные, лишённые индивидуальности и своеобразия, а наиболее существенные. Только у философии есть возможность показывать *истинное равенство людей*, обнаружив, что оно проявляется в способности к философскому вопрошанию. Но как быть с тем, что некоторые не вопрошают вообще, а если и вопрошают, то их спрашивание разнится так сильно, что ставит под сомнение единство человеческой природы, с таким трудом добытое философией? Если человек един, то и вопрошание его должно быть едино, если вопрошание вообще должно быть. Однако здесь встают вопросы: обыденный человек и философ вопрошают об *одном*, но в *разных* формах (в зависимости от культуры мышления и происхождения) или же они и вопрошают-то о *разном*? не является ли чистое философское вопрошание более возвышенным и благородным, таким, что и не снилось простолюдину? или же самый закоренелый в пошлости низкого существования простолюдин если уж вопрошает, то вопрошает «по полной», как великий философ? и о чем вообще *вопрошает вопрошающий*, когда он именно вопрошает? ставит ли философия знак равенства между людьми? Итак, на повестке дня вопрос о содержании философского вопрошания и, соответственно, о *типах человека вопрошающего*, то есть о человеке как таковом. Прикоснуться к этому вопросу совершенно немислимо ни со стороны антропологии, ни тем более психологии. Только восстановление изначальной сути философии в самом человеке поможет приблизиться к человеку.

Является философия чем-то особенным или же само особенное являет себя в философии?

Что такое — «особенное» в философии? Нет ничего особенного в философии в том смысле, что нет никаких «профессиональных» философов, или «философов Божьей милостью» (вроде художников, писателей, ученых и прочих одаренных людей). *В философии человек одарен самим собой.* В этом сущность философии и сущность человека, их особенное. Кто, кроме философии, может указать не на природную, божественную или какую-то иную *не-человеческую* особенность человека, а исключительно на *человеческую*? Человек — уже особенность, особенная особенность, и только философия замечает ее в полной мере.

Так ли уж сложна на самом деле философия?

Нужно ли много знаний, опыта, понимания, эрудиции, образования, культуры мышления, просто-напросто ума для того, чтобы *философствовать всерьез*? Или нужно нечто иное, за вычетом чего философии часто отказывают в праве на существование, ссылаясь на ее мнимую сложность? Философия, конечно, сложна, но не той сложностью, о которой говорят те, кто хочет укрыться от философии. Философия сложна своей простотой, которая требует от человека искреннего настроя на истину, а не каких-то особых знаний и умений. Святая простота философии требует *всего* человека на суд его совести. Ибо нельзя, прикоснувшись хотя бы раз к философии, оставаться прежним — прежним лицемером жизни. Философия, освобождая мир от предрассудков, суеверий и идолов, делает жизнь неудобной в моральном смысле. В этом и только в этом действительная сложность философии, вытекающая из ее глубочайшей нравственной сущности. Вот почему нечистые сердцем бегут от философии.

Почему же недолюбливают философию?

Судьба философии — судьба нелюбимой или нелюбимого, печальная и нелегкая судьба. Люди любят пофилософствовать в обыденно-житейском смысле, но не приемлют серьезного и ответственного философствования. Почему? Потому что не понимают и не принимают сложность философских размышлений? Действительно, есть достаточно сложный уровень философии, но речь не об этом. Чаще мы сталкиваемся с тем, как люди просто уходят от реальных философских вопросов. Что же стоит за всеобщим неприятием философии как философии, откуда этот заговор презрения, молчания и замалчивания предельных вопросов? Не кроется ли за этим что-то более существенное и нелицеприятное для человека? Не из-за боязни ли, не из-за страха ли перед собой, перед своей последней глубиной (или мелкотой)? Не есть ли пресловутая сложность философии просто-напросто формой ухода от вопросов непонятных, неприятных, страшных? В нелюбви к философии сказывается нежелание человека быть собой.

Где исток современной апатии в философии?

Повсеместные уныние и неуверенность, охватившие философскую общественность в последнее время, неуверенность в том, что философия способна занять то высокое место в обществе и культуре, которое у нее было ранее, выносят смертельный приговор философии. Постоянно указывают на *закат* философии, разоблачают ее *эфемерность* и *безосновательную претензию* на создание истинной картины мира. Более того, философию (по крайней мере одну из ведущих ее линий) часто обвиняют в выработке политических доктрин, посягнувших на человеческую свободу. Ситуация такова, что мы вроде бы являемся свидетелями агонии философии, длящейся чуть ли не целое столетие. Справедливости ради нужно сказать, что именно в последнее столетие произошло *крушение некоторых философских иллюзий*, основанных на *исключительно рациональном* понимании философии. Пошатнулся образ научной философии — той философии, которая вошла в тесный контакт с наукой, став ее методологией («служанкой»). Эта философия (по-другому ее еще называют академической, университетской или даже «шутовской») действительно утратила свои позиции, базировавшиеся на принципах метафизического рационализма. Внутри философии произошла борьба за философию, в результате чего и случилось падение академической философии, долгое время отождествлявшейся с философией вообще. Но эта философская разновидность не есть философия как таковая, то есть философия, имеющая отношение к сущности человека, к самому существенному в нем. Настоящая, *философская философия* исчезнуть не может, поскольку на ней держится существование человека, которое есть пребывание в бытии, легитимизируемое философией. А вот рационалистическая

*Научно-популярное издание
Серия «Философия — это интересно!»*

ВАРАВА ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

АДВОКАТ ФИЛОСОФИИ

Редактор канд. ист. наук *Е. А. Воронцова*
Художественное оформление: *А. Б. Архутик*
Корректоры *В. А. Нэй, О. В. Круподер*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.03.2014 г.
Формат 70×90/16. Гарнитура «OfficinaSansC».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 22,0. Тираж 1500 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru